

Ник Савинич

Молчание на семи языках

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ник Савинич

Молчание на семи языках

«Автор»

2026

Савинич Н.

Молчание на семи языках / Н. Савинич — «Автор», 2026

Он спас его в Чечне. Он вытащил его из-под обстрела на себе. Они поклялись друг другу — свои не бросают. Через десять лет они стали хозяевами Москвы. Миллионы, сделки, власть. А потом «КамАЗ» на трассе стёр всё в одну секунду. Но мёртвый друг не замолчал. Он звонит. Он даёт задания. Он ведёт по лабиринту, где каждый шаг — или следующий уровень, или пропасть. И только когда финал становится неизбежным, герой понимает: его друг никогда не был человеком. «Молчание на семи языках» — роман о цене, которую платят даже за невозможное. Nik Savinich. #проза #мистика #триллер #дружба #война #выбор

© Савинич Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ник Савинич

Молчание на семи языках

Глава

МОЛЧАНИЕ НА СЕМИ ЯЗЫКАХ

рассказ

Nik Savinich

ГЛАВА 1. ГРЯЗЬ

Грязь на вкус была солоноватой — с привкусом пороховой гари и чужой, остывающей крови.

— «Москва»! Очнись, сука, «Москва»!

Голос Глеба пробивался сквозь сплошной, оглушающий свист снарядов — хриплый, ледяной, как рычание раненого зверя.

Кирилл открыл глаза. Небо над чеченской дорогой было чёрным от копоти. БТР горел рядом, жар обдавал лицо, ресницы слипались. Голова гудела, как набат, во рту стоял густой привкус глины и металла.

Над ним стоял Глеб. Грязный, небритый, без каски — сбило или потерял, неважно. Он смотрел не на взрывы, не на небо, а только вниз, на друга.

— Ноги целы? — спросил Данилов. Коротко. Глухо.

— Целы... кажись, — выплюнул Разумовский, сплёвывая розовую слюну.

— Вставай. Ползи. Я сзади.

Они двинулись. Кирилл — на четвереньках, потом на локтях, волоча ноги, которые уже не чувствовал. Глеб прикрывал его своим телом, как живым щитом. Снаряды рвались впереди, сзади, справа. Мир превратился в месиво из земли, дыма и рвущих перепонку звуков.

Кирилл полз, не разбирая дороги. Он только слышал сзади тяжёлое, рваное дыхание и короткие команды: «Лево. Право. Ниже, мать твою».

Потом очередной взрыв ухнул совсем рядом. Кирилла швырнуло на землю, в ушах зазвенело, сознание поплыло в тёмную воду.

А когда он очнулся, кто-то всё ещё тащил его за воротник. Глеб. Полз на локтях. Одна рука волочила Кирилла, второй он отталкивался от земли. Лицо в крови, губа рассечена, смотрит прямо перед собой — не видит, но знает направление.

— Не отключайся, — прохрипел Глеб. — Не отключайся, «Москва». Я тебя вытащу.

— А сам?

— Сам потом.

И вытащил. Наши подошли через три часа. Глеб потерял сознание, когда их грузили в вертушку. Кирилл успел сжать его пальцы — на секунду, перед тем, как медики грубо оттолкнули его.

* * *

В госпитале он очнулся первым. Глеб был в соседней палате. Кирилл встал — через «не могу», через чёрную пелену перед глазами — и пошёл. Сел на край кровати друга. Ждал, пока тот откроет глаза.

— Дурак, — сказал Кирилл.

— Своих не бросаем, — ответил Глеб. И закрыл глаза снова.

* * *

В палате пахло хлоркой, гноем и дешёвым куревом, которое тянуло из коридора. Глеб лежал неподвижно — бинты закрывали его почти целиком, оставляя только серое, землистое лицо и руки. К нему тянулись трубки капельниц.

Кирилл сидел рядом на табурете. Его собственная голова была перевязана, плечо зафиксировано, но он приходил сюда каждый день. Просто сидел часами и молчал. Слушал, как хрипит чужая, пробитая осколками грудная клетка.

На третий день пришёл главврач — уставший подполковник с красными от недосыпа глазами. Посмотрел карту, вздохнул:

— Лекарств нужных нет. Ждите распределения в Ростов, если доведёт попутный борт. А у него заражение пойти может. В общем, молись, парень.

Подполковник ушёл. Кирилл не стал молиться. Он встал, дошёл до разбитого телефона-автомата в конце коридора и достал заветную записную книжку, которую чудом не отобрали в санчасти.

Через пять часов у ворот госпиталя затормозила гражданская «буханка». Из неё выгрузили три коробки с импортными антибиотиками, которых не было даже в окружном госпитале Бурденко, и аппарат ИВЛ — такой, что в этом госпитале отродясь не видели.

Военные на КПП хмурились, матерились, но коробки пропустили — к ним была приколота бумага с такой печатью, против которой майоры не прыгали.

Кирилл отдал за это всё, что у него было на тот момент в Москве: все свои зарождающиеся коммерческие связи, все деньги с подконтрольных точек, залез в долги, из которых вылезать придётся годами. Он не думал о цене. Ему нужен был живой Данилов.

Вечером Глеб пришёл в себя. Посмотрел на новую капельницу, на чистые ампулы с иностранными надписями на тумбочке. Перевёл тяжёлый взгляд на Кирилла.

— Откуда? — хриплым, едва различимым шёпотом спросил Глеб.

— Птичка принесла, — буркнул Кирилл, методично чистя ножом яблоко. — Жри давай. Тебе кровь восстанавливать надо.

Глеб ничего не сказал. Не выдал «спасибо», не пожал руку. Он просто закрыл глаза и с трудом сглотнул лекарство. Он принял эту заботу, как до этого тащил Кирилла на себе по чеченской грязи — молча, не ожидая благодарности. Между ними не было счетов. Поступки говорили громче любых слов.

* * *

ГЛАВА 2. РАЗЛУКА

Ростовский аэропорт встретил их сухим, пыльным ветром и криками челноков. Вокруг кипела жизнь: люди бежали, толкались, тащили огромные баулы, целовались при встречах, громко смеялись в трубки первых «Моторол». Кому-то не было дела до двух мужиков с брезентовыми сумками и бинтами, выглядывающими из-под рукавов. Их мир не знал войны.

Обоих комиссовали. На Кирилле была новенькая гражданская ветровка, пахнущая складом. Глеб шёл в своей старой армейской штормовке, прихрамывая на правую ногу. В руках — по одной тощей сумке на брата. Всё их имущество за полтора года ада.

Они стояли у табло. Кирилл летел в Москву через час. У Глеба маршрут был длинным: сначала пересадочный борт до столицы, оттуда — трое суток в плацкарте до Иркутска, а дальше — автостопом и попутками до своего Саянска.

Кирилл достал пачку «Мальборо», щёлкнул зажигалкой. Протянул Глебу. Тот затаился, прищурился от едкого дыма, посмотрел на взлётную полосу, где Ту-154 уже прогрел двигатели.

— Доедешь — звякни, — сказал Кирилл, глядя прямо перед собой. — Телефон мой у тебя есть. Если что надо — бабки, лекарства, завязки — звони в любое время. Понял?

Глеб медленно выпустил дым. На его сером лице, иссечённом мелкими шрамами, не дрогнул ни один мускул.

— Не звякну, Кира, — тихо ответил Глеб. — У тебя там своя жизнь начнётся, московская. Бизнес, дела. А у меня тайга. Мне там звонить некому. Да и незачем.

Кирилл резко повернулся к нему, дёрнув забинтованным плечом. Рёв двигателей за стеклом стал громче.

— Макар, блядь. Мы в одном окопе горели. Ты меня на локтях из каши вытащил. Ты что несёшь?

Глеб впервые за весь день улыбнулся — едва заметно, одними уголками губ. Посмотрел Кириллу прямо в глаза. Взгляд был чистым, тяжёлым и спокойным.

— Вот именно поэтому и не звякну. Своих не бросают, Кира. Мы своё отработали. Дальше сам ползи. На ногах уже.

Объявили посадку. Кирилл выругался, бросил сигарету под ноги и резко, наотмашь, обнял друга здоровой рукой. Глеб ответил — коротко, до хруста в рёбрах, хлопнул Кириллу по спине огромной ладонью.

— Живи, «Москва», — негромко сказал Глеб, отстраняясь.

— Увидимся, Макарыч.

Они разошлись в разные стороны терминала. Кирилл ни разу не обернулся, пока шёл к контролю — мозг уже просчитывал первые шаги в столице. Глеб стоял у окна, провожая глазами выруливающий на взлётную полосу самолёт. Тот оторвался от земли и ушёл в серое небо.

Глеб повесил тощую сумку на плечо и зашагал к выходу. Впереди у него были четыре тысячи километров железной дороги и глухая, морозная тишина.

* * *

Офис холдинга «Интер-Импульс» пах дорогим кофе и свежей типографской краской. Для конца девяностых это был островок стабильности: здесь уже не пахло перегаром и ворованной тушёнкой, но ещё не наступила стерильность транснациональных корпораций.

На утренней летучке Кирилл, сидевший во главе длинного стола из морёного дуба, коротко бросил команде:

— Из Иркутска летит мой человек. Глеб Данилов. Будет моим прямым помощником, а дальше — партнёром. Обеспечить полный доступ ко всей документации.

Финансовый директор скептически повёл плечом, но промолчал. Авторитет Разумовского, которого в узких кругах уже величали «Мозгом», был непререкаем.

Из офиса Кирилл сразу поехал в Шереметьево. Глеб согласился на это приглашение нехотя, после долгих уговоров по телефону — сибирскому медведю было тесно в рамках столичного бизнеса, но глухое таёжное безденежье перевесило.

В зале прилёта Глеб выглядел чужеродно среди пёстрой толпы. Тот же тяжёлый взгляд, та же лёгкая хромота, но теперь на нём был простой гражданский костюм, который сидел на его мощной фигуре немного нелепо.

Они обнялись — крепко, но сдержанно. Кирилл сразу забрал друга из суеты терминала и повёз на Сокол. Съёмная квартира находилась в десяти минутах ходьбы от НИИ.

— Обживайся, — Кирилл бросил ключи на тумбочку. — Правила простые: в делах — железная дисциплина, на публику — полный нейтралитет. Никому ни слова о том, кто мы на самом деле. Со мной — абсолютная изнанка. Ты мой тыл.

Глеб молча подошёл к окну, посмотрел на серые московские крыши. Потом перевёл взгляд на Кириллу и глухо кивнул:

— Показывай свою контору, «Москва». Поехали.

* * *

Первые полгода Глеб напоминал немую, грозную тень Разумовского. На всех переговорах он сидел чуть позади Кириллу и молчал. Он не знал терминов «диверсификация» или «аккредитив», но он читал людей. Там, где столичные менеджеры видели графики, Данилов видел

страх, блеф или готовность кинуть. Позже, в машине, он коротко бросал Кириллу: «Лысый врёт. У него за спиной никого нет, пальцы дрожали». И Кирилл менял тактику.

«Интер-Импульс» к 1996 году нащупал золотую жилу. В стране не было живых денег, все жили по бартеру. Кирилл находил задыхающийся оборонный завод, забирал за долги их векселя, менял их через министерство на вагоны с сибирским углём, уголь гнал в Прибалтику, а оттуда вез эшелоны с дефицитной финской сантехникой и компьютерами. Спрос был дикий.

Кириллу позарез нужен был человек, который мог лично контролировать узловые точки этих цепочек. Руками столичных мальчиков в лакированных туфлях такие дела не делались.

Становление Глеба произошло на зачёте с Липецким металлургическим. Сделка зависла, местный директор, почуяв безнаказанность, решил придержать вагоны с прокатом. Кирилл хотел лететь сам, но Глеб остановил его рукой:

— Сиди в штабе, Москва. Это моя работа.

Он уехал один. Вернулся через три дня. Вагоны тронулись в тот же кавказский порт, куда и должны были прийти. Глеб не устраивал разборок, не кричал. Он просто зашёл в кабинет к директору, сел напротив и три часа молча смотрел ему в глаза, изредка задавая один и тот же вопрос: «Когда отгрузка?». В его фигуре, в шрамах на лице и в глухом голосе было столько спокойной, фронтальной жути, что директор сломался без единого выстрела.

После той поездки Глеба перестали воспринимать как «человека шефа». Банкиры звонили ему напрямую. Конкуренты обходили стороной. Даже свои теперь смотрели на него с уважением, граничащим с опаской.

В конце года Кирилл молча бросил ему на стол ключи от новенькой, пахнущей кожей тёмно-синей «Вольво-850». Быстрой, крепкой, без бандитского пафоса.

— Твоя, — сказал Кирилл. — Охрану тебе выписать? Время паршивое.

— Рано, — угрюмо буркнул Глеб, забирая ключи. — Сам справлюсь. Лишние глаза в машине мне не нужны.

Теперь Глеб ездил на сделки сам. Без бронежилетов и парней в кожаных куртках. Он крутил руль шведского седана, мотаясь между базами в Капотне, таможенными терминалами и банковскими офисами. Вчерашний таёжник, прихрамывая, заходил в кабинеты банкиров, и те уже знали: если приехал Данилов, шутки кончились, нужно подписывать бумаги.

Кирилл строил империю, но фундаментом этой империи был Глеб, который прочно держал столичную землю своими огромными, зажившими ладонями.

* * *

ГЛАВА 3. ПОДАРОК. СМЕРТЬ СЕВЕРА

В начале февраля 1997-го Глебу исполнилось тридцать два. К этой дате он подошёл человеком, чей статус в Москве определялся не броской позолотой, а тяжёлым, глухим весом его слова. Таёжное безденежье осталось в прошлой жизни. Данилов жил в сталинском доме на Кутузовском, с высокими потолками и массивной железной дверью. Холдинг взлетел так высоко, что Глеб мог позволить себе всё, но в быту оставался равнодушен к роскоши. Его гардероб заполнили дорогие итальянские костюмы, но одна деталь выдавала в нём человека, застрявшего между мирами: он всё ещё ходил со старой, потёртой «Моторолой», у которой вечно отходила антенна. Глеб лишь отмахивался: «Слышно — и ладно».

Праздник решили отметить в офисе на Соколе. Кирилл настоял — собрать весь костяк холдинга. В кабинете генерального накрыли огромный стол: шампанское, горы бутербродов с чёрной икрой. Атмосфера была абсолютной идиллией: искренний смех, предвкушение больших денег.

В разгар веселья Кирилл поднялся, приглушив гул взмахом руки. Он улыбался открыто, празднично, как умел только для своих.

— Макар, дорогой, — начал Кирилл. — Ты у нас теперь человек солидный, на «Вольво» пересекаешь, в кабинеты к министрам заходишь. А ходишь с этим пластиковым кирпичом, позоришь зачёты «Интер-Имппульса». Пора завязывать с партизанщиной.

Двое парней из охраны внесли массивный деревянный футляр из лакированного палисандра. Кирилл открыл крышку. Внутри, на подушке из чёрной замши, покоился новенький Vertu Signature. Корпус из полированной оружейной стали, клавиатура на рубиновых подшипниках, а на задней панели — аккуратная инкрустация мелкой бриллиантовой крошкой в виде латинской буквы «S». Север.

Кабинет ахнул. Глеб взял тяжёлую, холодную трубку в свою огромную ладонь, провёл пальцем по стальной грани. Широко, искренне улыбнулся — впервые за вечер.

— Спасибо, Москва. Удружил.

Они обнялись под дружные аплодисменты. Провожая Глеба до машины у входа в НИИ, Кирилл, уже заметно уставший, приобнял друга за плечо:

— Завтра главная сделка, Макар. Липецкие вагоны закрываем, там суммы сумасшедшие. Возьмёшь ребят Петра Сергеевича, две машины сопровождения. Время нервное, подстраховка нужна. Договорились?

— Ладно, — нехотя кивнул Глеб, убирая драгоценный «Верту» во внутренний карман пиджака. — Пусть едут сзади. Завтра в девять стартую.

Утром всё пошло наперекосяк. В восемь тридцать позвонил Пётр Сергеевич, голос виноватый:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.